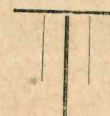

О. ГЛОВАЦКИЙ.

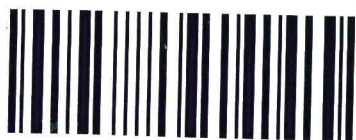
81
332

„РЕВОЛЮЦИЯ ПОБЕЖДАЕТ“

Экономические и политические предпосылки Бухарской революции 1920 года.

г. Кызыл-Орда гостипография
№ 1 КПСНХ. Райлито 528.
Заказ № 227.
Тир. 3000.

2011034519

Экономические и политические пред- посылки Бухарской революции 1920 года.

1. Некоторые данные о бухарской экономике.

Основной причиной Бухарской революции был тот экономический и политический кризис, который подготавливался в течение всей второй половины XIX-го и первых лет XX-го столетия и который особенно обострился в связи с империалистической войной и революцией в России. Поэтому, прежде чем говорить о Бухарской революции 1920 года, необходимо дать хотя бы беглый обзор положения Бухары до 1914 года, т. к. прямым следствием этого положения явились те процессы, которые происходили в период от 1914 до 1920 года и непосредственным выводом из которых явилась Бухарская революция 1920 года.

Те „вассальные“ отношения, в которых формально находилась Бухара по отношению к России, начиная с 1868 года, по существу были ликвидированы задолго до империалистической войны. Постепенное экономическое подчинение Бухары России началось уже с конца 60-х годов XIX века.

После отторжения от Бухары Самаркандской области в 1868 году и завоевания истоков Зеравшана, русский царизм получил в свои руки ключи от поливного хозяйства в Западной Бухаре, что явилось могучим фактором в деле подчинения Бухарского эмирата контролю российских чиновников и губернаторов.

Расположение воинских частей внутри самого бухарского ханства и на границах его—Чарджуе, Катта-Кургане, Керках и Термезе—давало возможность непосредственного военного нажима на эмира и постоянного вмешательства во внутренние дела Бухары. Экономические мероприятия, которые проводились

в Бухаре в течение всего этого периода (с 1968 по 1917 г.г.) точно также имели следствием все больше и больше подчинение Бухары русскому торговому и промышленному капиталу. Построенная в 1897 году Средне-Азиатская железная дорога, проведенный с военно-стратегическими, а отчасти и экономическими целями Термезский тракт (Самарканд—Гузар-Термез), железная дорога Каган-Термез, построенная в основном со стратегическими целями в 1913-15 годах, оказали чрезвычайно могучее влияние на всю хозяйственную жизнь страны. Еще ранее этого в 1893-1895 годах царское правительство добилось прекращения чеканки бухарским правительством монеты (теньги), перенесения таможенной линии на Аму-Дарью и включения Бухары в таможенную черту России.

Своей призрачно независимостью эмир и правящие классы Бухары широко пользовались лишь для разграбления эксплуатируемых ими дехкан и ремесленников.

Таким образом, совершенно прав известный представитель Бухарского освободительного движения АЙНИ, который говорил, что Бухара „была вполне независимой лишь в притеснении народа и поддержании его невежества“. Действительно, задолго до революции 1917 г. Бухара потеряла фактическую самостоятельность. Вассальные же отношения к России в значительной мере являлись лишь ширмой для неискренних глаз.

В этом несоответствии между увеличивающейся экономической зависимостью и остатками политической самостоятельности, задерживавшими проникновение в страну русского капитала, заключалось основное противоречие в отношениях между Бухарой и Россией. В целях ликвидации этого противоречия русский торговый и особенно промышленный капитал несколько раз резко ставил вопрос о полном присоединении Бухары к России. Однако, этому присоединению помешало опасение обострения отношений с Англией и опасение внутренних осложнений в Туркестане. Именно этим объясняется отказ Совета министров в 1910 году утвердить предложение туркестанского генерал-губернатора, считавшего необходимым воспользоваться смертью эмира Бухарского для окончательного присоединения к России Бухарской территории.

К началу империалистической войны Бухара, оставаясь формально независимой, представляла собой в полном смысле колонию русского банковского и торгового капиталов, развивавших, однако, свою эксплуататорскую деятельность в Бухаре не непосредственно, а через туземный торговый капитал и феодальные элементы, превращенные им в комиссионеров и агентов своего колониального господства (компрадорская буржуазия).

Промышленный капитал начал проникать в Бухару значительно позднее, (примерно, в 1910-1912 г.г.) в связи с довольно широким концессионным строительством. Кроме большого количества заявок на разработку горных богатств и строительство железно-дорожных путей, особое распространение нашли себе здесь оросительные концессии. Уже в 1914 г. было разрешено 7 концессий: Ширабадская—72500 десятин, Кассанская—25000 десятин, Гаварали (Кабаданская)—10000 десятин, Айваджская—4950 д., Келифская—5619 д., Керкинская—28860 д., Курган-Тюбинская—65000 десятин¹).

В некоторых из этих концессий было уже до революции приступлено к работам.

Это промышленное строительство (иригационное, железно-дорожное и фабрично-заводское) начинало оказывать довольно значительное влияние на экономику Бухары, сигнализируя новые черты в ее взаимоотношениях с Россией. Однако, характер колониальной зависимости Бухары изменялся в этом новом направлении чрезвычайно медленно и основным видом капитала проникавшего из России по прежнему оставался торговый капитал, применявший в своей деятельности методы хищнической эксплуатации населения. Постепенное экономическое поглощение Бухары Россией точно также ускоряло развитие в ней капиталистических отношений. Довольно распространенным является неправильное мнение, что в Бухаре повсеместно до самой революции 1920 г. сохранилось натурально-патриархальное хозяйство. Правда, во многих районах Бухары до последних лет действительно удержалось хозяйство, по своей внешности напоминающее феодальное.

¹) Архив Ср. Аз. Бюро ЦК ВКП(б). Дело „Материалы о Бухаре 1920 г.“ № 49 л. д. 280.

По существу же, даже в самых отдаленных и отсталых районах Бухары (в ее восточном и юго-восточном углу) хозяйственный строй представлял собой лишь разлагавшийся и разложившийся феодализм, внутри которого вполне уже созрели капиталистические отношения.²⁾

Доказательством приведенного выше положения может служить, прежде всего, развитие внутреннего рынка и межрайонного товаро-оборота, отражавшего рост торгового земледелия. Примером развития торгового земледелия является вывоз сельско-хозяйственных продуктов из Восточной Бухары, являющейся поставщиком хлебных злаков не только для Западной Бухары, но даже и Хивы. С пристани Сарай-Камар на Аму-Дарье до войны отправлялись в течение сезона сотни тысяч пудов пшеницы, 100000 пуд. хлопка и десятки тысяч пудов других продуктов сельского хозяйства.

Рогатый скот в тех же районах тысячами голов перераспределялся через Гузарский и другие базары в малоскотные районы Бухары и Туркестана. Даже в наиболее отсталых районах Бухары товарное хозяйство пустило глубокие корни. Материалы, приведенные т. Мухитдиновым А. в книге: „Народное хозяйство Средней Азии“ за 1924 г. № 2-3 стр. 67) точно также подтверждают значительное развитие³⁾ внутреннего обмена. Согласно этим материалам внутренним транспортом в Каршах были постоянно заняты около 6000 верблюдов. Показательно также, что по самым скромным подсчетам оборот Старо-бухарского рынка превышал 20 млн. рублей в год.

В отношении товарности дехканского хозяйства мы имеем ряд доказательств того же положения. Согласно данным, полученных Наркомземом УзССР, на основании изучения материалов переписи 1924 г.⁴⁾, в районах: Зеравшанском, Кашка-Дарьинском, Сурхан-Дарьинском площадь технических культур была больше в процентном отношении ко всему посеву, чем в наиболее передовых районах России, а именно: 27,64% для Зеравшанского; 12,59% для Кашка-Дарьинского и 13,79

²⁾ См. Современный кишлак Средней Азии вып. II и III Ташк. 26 г.

³⁾ Народное Хозяйство в Ср. Азии“, 1924 г., 2—8 стр. 67.

⁴⁾ Отчет по проведению земельно-водной реформы. Ташкент 27 г.

для Сурхан-Дарьинского районов, тогда как соответственный процент по Псковской и Киевской губерниям равняется 13,80% и 10,21%.

Процент товарной продукции в отношении валовой для сельского хозяйства Западной Бухары колебался между 40-60 т. е. вдвое превышал соответствующий процент наиболее передовых районов России.

Внедрение российского промышленного капитала, как уже было сказано раньше, постройкой поселков, заводов, железных дорог, оросительных каналов и сооружений создавало рынок для наемного труда и вносило в хозяйство Бухары значительные суммы денег, исчислявшиеся многими миллионами.

Развитие товарности дехканского хозяйства систематически втягивало Бухару не только в обще-русский оборот но и в оборот обще-мировой.

Так, например: ввоз из России хлеба в зерне, превышал ежегодно (в 1911-1914 годах) 900 тыс. пудов, муки—800 т. п., риса 800 т. п. На мировой рынок из Бухары экспортировались: ковры, каракуль, солодковый корень и пр.

Все данные, таким образом, показывают, что представление о бухарском хозяйстве, как о хозяйстве натуральном,—ошибочно и является результатом не критического отношения к источникам, а также результатом перенесения в нашу литературу колониаторских теорий российских офицеров и чиновников (Логофета и других), считавших весьма полезным распространение этого ошибочного мнения о крайней отсталости Бухары с точки зрения оправдания необходимости ее приспособления к „культурному хозяйству“, т. е. по-просту ее поглощения Россией.

На самом же деле, Бухара во второй половине XIX и в начале XX века быстро проходит различные стадии своего развития от полунатурального хозяйства, содержащего в значительной мере пережитки феодализма, к торговому земледелию и капитализму. Специализация различных районов расширяет обмен между ними, вызывает рост внутреннего рынка, в частности, рынка средств потребления, рабочей силы и средств производства.

Эти изменения в экономике Бухары неизбежно вызывают соответствующие перемены и в классовых взаимоотношениях и увеличивают во много раз тяжесть эксплуатации основных масс трудящихся.

Малоземелье, интенсивный характер земледелия (при котором в известные периоды нельзя даже в мельчайшем хозяйстве обходиться без наемного труда), чрезвычайно высокая товарность и отсталая техника сельского хозяйства приводят дехкан к вечной нужде в деньгах. Мобилизация земельных владений при исключительно высоких ценах на землю (десятина поливной земли в Западной Бухаре доходила до 500-1000 рубл.)—еще более обостряют эту нужду дехкан в деньгах. На такой почве необычайно быстро развивается пауперизация дехканства и пышным цветом расцветают ростовщичество и кабальные формы найма (в частности, чайрикерство).

В процессе разложения бухарского кишлака на одном полюсе его вырастает бай, землевладелец и ростовщик, на другом—батрак, мардикер или издольщик. Этому расслоению кишлака способствуют необычайно тяжелые денежные и натуральные повинности.⁵⁾

Бедняцкое дехканство могло сохранять видимость самостоятельности своего хозяйства, лишь путем дальнейшей интенсификации его, развитием кустарных промыслов, а, главным образом, путем снижения своего жизненного уровня и залезания в новые долги.

Несмотря на очень высокий процент бедноты (доходящий до 40-80%), большое количество безземельных и беспосевных земледельцев, т. е. значительный рост разложения дехканства в Бухаре не создалось крупного сельскохозяйственного производства. Основной причиной этого являлась недостаточность развития капитализма. Т. Ленин в „Развитии капитализма в России“ говорит: „Чем дальше пойдет развитие торговли, сближая деревню с городом, вытесняя примитивные сельские базары и подрывая монопольное положение деревенского лавочника, чем более будут развиваться европейски-правильные формы кредита, вытесняя деревенского ростовщика, тем дальше и глубже должно пойти разложение крестьянства.

⁵⁾ См. данные Прашицкого „Ком. мысль“ кн. 4-я, Ташк. 27 г.

Капитал зажиточных крестьян, вытесняемый из мелкой торговли и ростовщичества обратится в более широких размерах на производство“ (т. III—стр. 135). Этот процесс в Бухаре начался, но он не зашел, несмотря на свои успехи, далеко. По этой же причине техника сельского хозяйства оставалась примитивной, а способы производства—рутинными. С другой стороны, необычайно низкий уровень развития промышленности вообще, отдаленность в изолированность Бухары от передовых стран не позволяли перейти даже в крупных хозяйствах к наиболее простым современным с. х. орудиям (плуг, пропашник, сеялки и т. д.).

При такой отсталой технике, которая применялась в крупном производстве (байское хозяйство) выгоды его ведения были весьма условны, и, во всяком случае, наиболее удобной формой эксплуатации оставались издольщина (чайрикерство) и сдача земли в аренду. Недостаток капиталов в условиях бурного развития торговли и дороговизна земли способствовали направлению накоплений эксплуататорских классов в торговлю и ростовщичество, а не на производство. В результате всех этих причин—крупное капиталистическое производство в довоенной Бухаре так и не создалось до самого XX века. Лишь в отношении Зеравшанской долины имеются данные, главным образом, описательного характера (Губаревич, Радобыльский и др.) об энергичной скупке земли феодальной верхушкой и торговцами, но использовалась она в основном докапиталистическими методами.

В восточной части Бухары наряду с крупным производством, основанном на чайрикерском труде и аренде, продолжала существовать феодальная форма эксплуатации земледельца в виде „танхо“ (кормление чиновников путем прикрепления их к определенному количеству запасек). Но и здесь, путем судебных приговоров, административного произвола и разных ухищрений крупные землевладельцы проводили экспроприацию дехканства и мобилизацию земельной собственности.

Таким образом, применение наемного труда в Бухаре имело весьма большое значение. Благодаря интенсификации сельского хозяйства в зажиточных и кулацких хозяйствах це-

лого ряда районов появляется типичный рабочий сельского хозяйства, такой, каким мы видим его в капиталистических странах. Однако, наибольшее значение в сельском хозяйстве имела издольщина, при чем часть издольщиков (чайрикеров) обрабатывала хозяйским скотом байскую землю и сеяла хозяйскими семенами, получая за труд ничтожную часть урожая ($1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{5}$ долю). Эта категория чайрикеров может быть отнесена также к наемным рабочим полукапиталистического типа.

Характерно отметить, что из горных районов Восточной Бухары уже до войны отходило на заработки (главным образом, на хлопковые заводы в Фергану) около 20 тысяч человек. Этот отход объяснялся, прежде всего, отсутствием в самой Бухаре сколько-нибудь развитой промышленности (всего около десятка хлопковых и маслобойных заводов) и невозможностью существовать на своем участке без продажи рабочих рук на стороне.

Выбрасываемая в город—кишлачная беднота не могла найти в нем применения своим свободным рукам, так как ни разрушавшееся ремесло, ни совершенно незначительная промышленность не давали этой возможности. Вот как описывает быт бухарского города один исследователь: „Китаб населен широкими прослойками городской бедноты, которая не имеет постоянного занятия, бросается от одного дела к другому, от одной профессии к другой, бедствует, не сводит концы с концами.“

По виду легко определить этот элемент: рабочая одежда, засаленный рваный халат, по всему видно, что у него нет уверенности в завтрашнем дне. Это—носильщики, мусорщики, караульщики, парикмахеры, чайханщики и проч. городской люд, который не успел пристать к городу, порвав уже давно с кишлаком. Их существование висит в воздухе: из их среды поставляются лица, обслуживающие всех и все“.

В условиях проникновения товарных и денежных отношений в самые отдаленные кишлаки Бухары, в процессе разложения натурального хозяйства в деревне и падения, под влиянием ввоза из России, ремесла в городе—широкие массы трудящихся Бухары переживали тяжелый и затяжной экономический кризис. Низкая техника сельскохозяйственного

производства, кабальная зависимость от ростовщика, земле-владельца-скупщика, бая, чудовищные налоги—продажный суд и ненасытные муллы—все это делало дехканина нищим-полурабом.

II. Особенности социально-экономического строя Бухары.

В настоящей статье нет возможности более подробно остановиться на социальном строе Бухары. Можно отметить лишь основные черты этого строя.

Руководящая роль в стране, несмотря на происходившие экономические изменения, продолжала оставаться в руках помещиков, феодального служилого сословия (сипагов). Это сословие существовало не только за счет своих доходов, как чиновников, придворных и офицеров эмирата, но и эксплуатацией чайрикеров и арендаторов на пожалованных, захваченных и наследственных землях. Система налогов, при которых центральным Правительством устанавливается лишь минимум причитающийся ему с данного района, а максимум определялся степенью безропотности и забитости населения, позволяла правящим классам широко использовать государственный аппарат в целях своего обогащения.

Роль и значение торгового капитала в системе Бухарской государственности и Бухарском обществе пока достаточно не выяснены. Однако, те данные, которые мы приводили выше о росте внутреннего рынка и все известное о Бухаре, дают возможность утверждать, что именно он был вторым классом, соучаствующим во власти. Правда, развитие торговых отношений разрушало натуральное хозяйство феодализма.

Торговый капитал в известной мере переводил свое хозяйство на рельсы нового способа производства. Однако то обстоятельство, что в Бухару пришел не промышленный, а торговый российский капитал, что он действовал через феодальную верхушку Бухары и туземных торговцев и ростовщиков не могло не сыграть чрезвычайно важной роли во всем ее развитии. Это проникновение не только не разрушало, но даже консервировало те правовые и отчасти экономические отношения, которые сложились в кишлаке до завоевания.

На этой именно базе основывался союз торгового капитализма с феодалами.

Особое влияние в деле сохранения феодальной надстройки оказывало мусульманское духовенство, представлявшее в условиях Бухары не только экономически и политически мощное сословие, но игравшее в качестве своеобразной феодальной интеллигенции крупную организующую роль. Экономической базой его влияния являлись 123-130 тысяч десятин земли под вакуфами (по данным Пославского), кварталы торговых предприятий, лавок, домов в главных городах, а для отдельных пиров и ишанов, обычно и их личные крупные земельные владения. Бухара представляла собой особую страну-хранилище мусульманской учености, средневековой культуры, панисламизма, а ее столица являлась пунктом, в котором были сосредоточены несколько тысяч студентов духовных школ и куда стекались массы паломников и весьма значительные денежные средства.

Две причины давали бухарскому духовенству не только монополию в выполнении целого ряда государственных (особенно судебных) функций, но и необычайно увеличивали его политическое значение⁶⁾. Этими причинами являлись: монополия грамотности, которую обладало мусульманское духовенство, а также теократическая форма государственного строя, благодаря которому все законы в Бухаре по существу были церковными (шариат), и право толкования их принадлежало духовенству.

Классами, на грабеже которых строилась вся система „благородной Бухары“, были дехканство и городские ремесленники.

На жесточайшей эксплуатации их вырастали миллионные состояния бухарского купечества, и, в первую очередь, самого эмира.

Бухарское государство, как таковое, фактически сформировалось вполне только после завоевания русскими Туркестана и не без помощи русских штыков. Опираясь на них, используя силу и влияние городов и торгового капитала, три поколения эмиров создали деспотическое (абсолютистское го-

6) См., например, Красный архив. т. 1-й (20) за 27 г. стр. 97, 115-116.

сударство до самого своего конца сохранявшее все признаки феодальной монархии. Больше того, процесс „собирания“ земли не был закончен даже к началу XX века.

В некоторых Восточных районах, например, мы имеем до 1906-1910 года некоторое подобие феодальной самостоятельности: так, бек Гиссарский имел свое войско, свой двор, право приговора к смертной казни, право давать чины; бек Каратигина взимал в свою пользу зякет не только со своего но и с трех других бекств. В беглом очерке нет возможности даже просто перечислять многочисленные примеры сохранения пережитков феодального порядка в государственном строе Бухары. До 1920 года, например, сохранилась система, отдаленно (лишь по аналогии) напоминающая удельную русскую систему, когда в Шахризье сидел беком ближайший родственник эмира, в Китабе один сын его, в Яккабаке-другой, в Гузаре—третий. До самой революции, наконец, функции министров не смогли отделиться от роли приказчиков в личном хозяйстве эмира: кушбеги, например, одинаково распоряжался как государственными, так и собственными эмирскими средствами.

Бухарский эмират по своей классовой сущности представлял собой машину, организованную и руководимую феодалами для эксплуатации дехканства. Эмирская Бухара была государством феодалов и помещиков, союзником которых являлся торговый капитал. И неизбежно, революция против эмира, должна была быть революцией не только анти-феодальной, но и направленной против торгово-ростовщического капитала.

III. Общественно-политические течения в дореволюционной Бухаре.

Экономические изменения неизбежно сказывались и на положении классов, а, следовательно, должны были найти себе отражение в общественно-политических взглядах. Ускоренный процесс преобразования бухарского народного хозяйства, бегло охарактеризованный выше, ведущий к обнищанию широких масс населения и возникновению значительных состояний в руках отдельных капиталистов не мог не отразиться

на идеологии этих классов населения, которая нашла в свою очередь свое выражение в форме создания политических группировок, из которых впоследствии выросли политические партии Бухары.

Широкие массы населения проявляли чрезвычайно большое недовольство теми переменами, которые произошли в хозяйстве Бухары в течение весьма непродолжительного времени. Во всех этих переменах они склонны были винить русских, что является вполне понятным.

Если вспомнить, что в их представлении именно проникновение русских сопровождалось резким ухудшением положения дехкан, так как с развитием торгового капитала межрайонного обмена усилилась их эксплуатация (например, перевод натуральных податей в денежные и их увеличение). Перенос таможенной линии на Аму-Дарью, также связывавшийся с проникновением русских в страну, сопровождался прямым притеснением дехкан русскими пограничниками, не говоря уж о том, что пограничная линия разорвала твердую экономическую связь, существовавшую прежде между двумя берегами. Наконец, концессионное захватничество лишало население возможности разрабатывать горные богатства, отбирало земли и конечно, вызывало чрезвычайное недовольство окружающего населения.

Правящие классы с своей стороны старались свалить на русских все несчастья и бедствия населения.

Терпя конкуренцию со стороны более передового, к тому же привилегированного российского капитала и фабричного производства, они во всех своих выступлениях выбрасывали лозунги освобождения от русского владычества.

Поэтому шовинистические и антирусские настроения захватывали все массы бухарского населения, особенно же городскую мелкую буржуазию и ремесленников.

Однако, крупная торговая буржуазия не могла по-настоящему возглавить национальное, антиколониальное движение, в виду все большего и большего сращения ее с русским и даже иностранным капиталом, а также в виду усиливавшейся необходимости иметь мощную поддержку царизма против своих „домашних врагов.“ Напротив, мелкая буржуазия, под-

нималась на борьбу с бухарским феодализмом, неизбежно втягивалась в антирусское движение.

Бухарский полупомещик „Мюлкдар“ и владелец „танхо“, как столпы феодального порядка, видели в нарождающихся новых отношениях угрозу своему господству и феодальным привилегиям. Составляя массовую опору реакционных групп и партий, они обычно выступали в борьбе против наступающего русского капитализма под панисламистскими лозунгами.

Именно из их рядов формировала бухарская знать и духовенство свои „черные сотни“ для погромов младобухарцев, а впоследствии руководящее ядро басмаческих шаек.

Таким образом, именно национализм, которым были окрашены даже и противоречивые интересы различных классовых группировок в Бухаре, стал отличительной чертой всех политических программ бухарской общественности и, в первую очередь, программы джадидов.

В литературе имеются крупные расхождения по вопросу о джадидах. Они идут, главным образом, по двум линиям: первое—выразителями интересов какого класса были джадиды, а впоследствии младобухарцы. Второе—имеется ли историческое отличие между джадидами и младобухарцами (не только в организационном, но и в политическом отношении).

По вопросу о классовой сущности джадидизма имеется два противоположных мнения: одно из них утверждает, что их программа в своем дальнейшем развитии неизбежно приводила к коммунизму, а основой движения является классовая борьба угнетенного дехканства против феодализма и капитализма. Представители второго мнения утверждают, что в лице джадидов мы имеем обычных буржуазных демократов. Для того, чтобы разобраться в обоих взглядах, необходимо выяснить, что именно является основным во взглядах джадидов. По нашему мнению, основным является отражение в них того кризиса, который переживали дехкане и ремесленники Бухары.

Это выражается, в частности, в виде поисков причин кризиса и выхода из него для мелкой буржуазии. Таким образом, формируется первое положение джадидов, что бедствие народа объясняется отходом его от шариата и расточительно-

стью. Это первый принцип классического джадидизма. Каковы причины отхода от шариата?

Причинами его являются — неграмотность мулл и населения, и, таким образом, средством для исправления положения является борьба за обучение мулл истинному шариату и против суеверий (в частности, борьба Бек-Буди против рисоля ремесленников). Отсюда требование реформы медресе и духовного образования, широкого распространения грамотности и для этого введения новометодных школ. Поиски выхода из кризиса находят себе выражение в требованиях ограничения расходов эмира, беков, богачей — с одной стороны, и самого населения — с другой. На этой почве вырастает борьба джадидов с так называемыми „дурными обычаями“ — тоями, обрезанием, празднованием Курбан-байрам и т. п. (поэтому между прочим, нет никаких оснований считать борьбу джадидов против „дурных обычаев“ доказательством их культурно-бытового прогрессизма).

По представлениям джадидов, историческую жизнь народа нужно повернуть назад к „настоящему шариату“, уничтожить новые (главным образом, денежные) налоги, сделать все как было при дедах. Предложения о борьбе с роскошью, отказе от празднования обрезания и проч. — тоже по существу реакционны.

Не приходится говорить уже о других основных положениях их программы, по которой действительнейшим способом улучшения жизни широких масс должны быть улучшение нравов, реформ образования, духовенства и медресе и культурная революция. Эти узкие программы и реформистская тактика привели к тому, что настоящий чистокровный джадид остался и впоследствии, уже в период подъема в Бухаре массового революционного движения, на позициях борьбы за новометодное образование и реформу быта. Эти взгляды нашли свое отражение даже в решениях первых всебухарских курултаев.

Те националистические настроения, которые получили большое распространение в широких массах, также нашли свое выражение в джадидской программе. Открытый национализм чрезвычайно устойчиво держался в ней, а затем нашел отражение и

в программе младобухарцев. Довольно значительное место в выступлениях джадидов занимала критика существующего строя, но эта критика, также, как и их пропаганда, была весьма мало революционна, и недаром один из основоположников и вождей джадизма Фитрат начал свою литературную карьеру с печатания панисламистских и монархических стихов ⁷⁾.

Объективно, однако, джадидизм представлял собою прогрессивное движение и делал революционное дело, борясь, хотя бы и робко, против феодализма и русского владычества. Взгляды джадидов в первую очередь отражают кризис городской мелкой буржуазии, интересы которой защищали теоретики джадидизма — та группа мулл и буржуазной интеллигенции, которая сама вышла из городского населения. Доказательством этого можно считать, что географические центры джадидизма, пункты, где он имел свою базу это — Чарджуй, Керки, Бухара, Шахризбс, Курган-тюбе, Термез, Ширабад, т. е. города с наибольшим торговым оборотом, где конкуренция русского торгового капитала и российских фабрикатов ощущалась наиболее сильно. Именно в этих городах могло сформироваться это, в значительной мере, городское движение с явственными элементами народничества.

Надо отметить, что джадидизм, как он выше охарактеризован, долго сохраниться не смог. Впоследствии под влиянием революции 1917 года, под влиянием тех событий, которые произошли в Бухаре, на базе джадидизма, выросла новая организация — младобухарская партия. Тов. Файзулла Ходжаев поэтому прав, когда он разделяет первоначальный джадидизм и младобухарскую партию.

И джаиды и младобухарцы представляли собой партии мелкой буржуазии, но на разных ступенях исторического развития. Можно и нужно провести известную линию, водораздел между джадидами и младобухарцами, ибо и в программе и в тактике они связаны скорее лишь персонально и общностью классовой установки. Было бы неверно, поэтому, говорить о простом перерастании джадидов в младобухарцев. Создавшееся на базе общего кризиса бухарской экономики во время

⁷⁾ См. журнал „За партию“ № № 3-4 за 29 г. ст. т. Вайбулатова.

войны младобухарское движение не могло быть простым развитием джадидизма.³

Общим для них является их двойственное лицо. С одной стороны, угнетенные классы, которые выступают против эмира, против феодальной верхушки и растущей эксплуатации, — являются носителями идей прогресса, реформ, и даже революции, а с другой — они представляют мелкую буржуазию, в своих требованиях не идущую дальше восстановления норм шариата. И не случайно в программе младобухарцев соблюдение норм шариата представляется идеалом золотого века.

В период разрушения феодального строя младобухарцы, как и джаиды, были выразителями интересов нового социального слоя, враждебного феодализму. Поэтому в критике существующего и в своих политических идеалах эти партии были прогрессивными.

Их экономическая программа, отражая классовые интересы и сущность мелкой буржуазии, была типичной для чаяний этого класса. В лозунгах развития самостоятельного мелкого производства заключается суть программы младобухарцев. Объективно это было ничем иным, как борьбой за развитие капитализма. Ясно, что в эпоху крушения капитализма и развития пролетарской революции, программа их была революционной лишь на этапе буржуазно-демократической революции. Наивным было бы предполагать, что из партии младобухарцев может вырасти коммунистическая партия. Только отдельные представители младобухарцев, идейно перевооружившись, признав диктатуру пролетариата и его программу, решительно порвав со своим прошлым, смогли сделаться коммунистами.

Второй основной партией, или вернее политической группировкой дореволюционной Бухары, были бухарские панисламисты и реакционеры во главе с феодальной знатью и верхушкой духовенства. Главную политическую силу этой группы и идеологическое ее руководство представляло именно духовенство.

В борьбе с революционными силами именно духовенство являлось авангардом и главной опорой реакции. Целиком вышедшая из недр феодального общества и живущая докапиталистическими методами эксплуатации, панисламистская группа неизбежно должна была выступать и против капитализма

(промышленного) и против русского влияния. Во внутренней политике ее лозунгами были возвращение „назад к шариату“, так же как во внешней — восстановление самостоятельности Бухары, присоединение Самаркандской области и образование в Средней и передней Азии некоего подобия мусульманского священного союза на восточный лад.

Таковы были основные политические течения. Ни массовости, ни подлинных связей с трудящимися они не имели. Бухарское дехканство, как и городские ремесленники, были настолько забиты и находились в таком плену феодальных пережитков и влияний, что фактически оставались вне политики. Трудящиеся были способны лишь на стихийные бунты против эксплуататоров. Вспыхивающие по разным причинам в разных пунктах и под разными лозунгами (национальными и религиозными), они также быстро гасли, давая, в самом лучшем случае, несколько перебитых беков и мирахуров, а иногда мимолетное облегчение поборов.

Лишь тяжелый молот войны и революции расшевелил эти массы и вовлек их в борьбу в начале с эмиром, а затем и против всех эксплуататоров.

IV. Бухара во время войны и революции.

Империалистическая война 1914—1917 года чрезвычайно сильно отразилась на экономике Бухары. Уже в 1915 году резко падает ввоз продуктов промышленности из России, в то время как экспорт дает скачок вверх. Доказательством этого может служить следующая таблица.⁸⁾

И М П О Р Т				Э К С П О Р Т			
Род товаров	1911	1915	% ⁰ / ₀	Род товаров	1911	1915	% ⁰ / ₀
	(в тыс. пуд.)		пониж.		(в тыс. пуд.)		повыш.
Хлеб (вкл. муку и рис)	3300	1531	54	Хлопок	1782	2624	46
Сахар	405	360	11	Фрукты сух. . .	163	273	68
Металл	300	280	31	Шерсть	67	251	221
Текстиль	335	235	34	и т. д.			

⁸⁾ Ремез. Внешняя торговля Бухары. Ташкент 1922 г. стр. 67. Необходимо отметить, что 1911 год был одним из годов высокой конъюнктуры.

Низкие „нормированные“ цены на хлопок (1915-1916 г.) и резко выросшие поборы „на нужды войны“ бухарской администрации делавшей громадные взносы русскому правительству и не забывавшей, конечно, себя, значительно ухудшили положение дехканства.

Голод и бескормица 1917-1918 г.г. (вследствие крайне неблагоприятной зимы) жестоко ударили не только по Туркестану, но и еще более по Бухаре. Не следует забывать, что Зеравшанская и Кашка-Дарьинская водные системы чрезвычайно чутко реагируют на недостаток зимних осадков. Ослабленное войной хозяйство не могло сопротивляться стихийному бедствию. О размерах же последнего можно судить, например, по тому, что эмир (одновременно, учитывая урок февральской революции и собирая силы для борьбы с джадидами) — 31 мая 1917 г. был принужден сложить „в виду засухи, неурожая и дороговизны половину хераджа и связанных с ним других налогов“⁹⁾. Проявлением недовольства масс всеми этими экономическими бедствиями были массовые отказы от взносов налогов и дачи рекрутов и ряд восстаний, прокатившихся по Бухаре в 1918—1920 г. г.

Желание эмира охранить Бухару от хозяйственной разрухи, заливавшей Советскую Россию в годы гражданской войны, и по мере сил участвовать в блокаде „большевиков“ вызвали отмену свободы торговли с соседними властями Туркестана и фактическое закрытие границ в 1919 году¹⁰⁾. Собственно прекращение торговли произошло еще раньше. Гражданская война, происходившая на Оренбургском и Закаспийском фронтах окончательно разорвала значительно ослабевшие экономические связи России с Бухарой. Попытки заменить торговлю с Россией установлением более тесной связи с Афганистаном не могли быть успешными: обе страны были экономически однотипны, а попытки экспорта через Индию провалились из-за колоссальных транспортных расходов.

Ослабление связи с Россией вызвало сокращение посевов технических культур. Несмотря даже на более благопри-

⁹⁾ Архив Цуардела. Дела ЦИК Туркеспублики по описи № III л. д. 21

¹⁰⁾ Красный Архив т. XX.

ятное соотношение цен между хлебом и хлопком, чем в Туркестане, посевы его к 1919 году еле достигали 30-35% довоенного¹¹⁾.

Одновременно с этим рыночные цены бешено растут под влиянием колоссальной эмиссии и непосильных расходов на содержание 20 тысячной армии. Аршин миткаля в 1919 г. стоил в 100 раз дороже, чем в 1914 г., фунт сахара в 125, пачка спичек в 350 раз. В то же время пшеница подорожала лишь в 20 раз. В течение 1919—20 г.г. цены возросли еще в 14 раз¹²⁾.

Усиленная подготовка к войне с Советской Россией и сознание безнадежности этой борьбы вызывали величайший рост поборов с дехканства и городского населения. Правящие группы старались запастись на „черный день“. Бешеная спекуляция захватывает в свои тиски рынки Бухары. Фактическое запрещение рыночной торговли сельскохозяйственными продуктами (для дехканина) приводило его к необходимости продавать хлеб на дому и, конечно, по пониженным ценам. Чуть ли не 75% урожая зерна и клевера отбиралось без оплаты. Доходы от транзита и отхожих промыслов прекратились. Городских ремесленников заставляли за четверть платы работать на армию.

Экономический кризис неумолимо развивался. Этому кризису сопутствовали и с ним переплетались крупнейшие политические события, потрясавшие самые глубокие основы бухарской жизни.

Все то, что происходило в России и Туркестане, нашло себе отражение в политической жизни Бухары. Восстание 1916 г., Февральская и Октябрьская революция, контрреволюционные выступления казачьих эшелонов в 1918 г., Закаспийский фронт и Ферганское басмачество—все это прямо или косвенно влияло на ход классовой борьбы и распределение борющихся сил в бухарском эмирате.

¹¹⁾ Экон. фонд Цуардела, дело № 8 описи 77 „Бухарская экспед.“.

¹²⁾ См. журн. „Народное Хозяйство Туркестана“ за 1919 г. № 26 о повышении цен „Ср. Аз. Эконом. район.“ под редакцией О. Ю. Пославского и Г. Черданцева, изд. ТЭС 1922 г.

Восстание 1916 года нашло себе отражение лишь в массовом бегстве в Бухару населения Джизакского уезда и росте антирусских настроений. Зато февральская революция привела к бурным политическим событиям. Мартовские события 1917 г. в Старой Бухаре (демонстрации, манифест эмира о реформах, контрреволюционные выступления духовенства и муллабачей) ясно определили соотношение классовых сил: по одну сторону баррикады стояли эмир, феодалы и крупный торговый капитал, по другую — национал-революционные и просто прогрессивные элементы, нацменьшинства, городской полупролетариат, рабочие „русских поселений“, солдаты расквартированных в них частей. Каждая манифестация, которую устраивали или советы — „русских поселений“ или младобухарцы, привлекала широкие массы населения. Лозунги народного представительства и уменьшения налогов — эта умеренная программа джадидов 1917 года, благодаря общему кризису, привлекала сочувствие всего трудового населения. В революционное движение впервые начинают вовлекаться многотысячные массы, главным образом городской мелкой буржуазии. Крестьянство (дехканство) втягивается в революционное движение значительно позже: в 1919—1920 г.г.; в период же до 1919 года оно чаще используется, как послушное орудие контрреволюции.

Тактика эмира в период Февраль-Октябрь была точным сколком с тактики Временного Правительства. Реформы на словах, организация контр-революционных сил — на деле. Впрочем — все „революционное реформаторство“ не шло дальше проектов создания совета при резиденстве из 7-ми окружных инспекторов, а в бекствах и тюменах — „управляющих туземными канцеляриями при беках из 34-х татар-учителей или чиновников“, находящихся под начальством у резиденства¹³⁾.

Каганский Совет Рабочих Депутатов, при полном одобрении Краевого съезда советов, достаточно энергично настаивал на более существенных реформах. И в ответ на нажим пролетарской демократии начинает спланиваться партия контр-

¹³⁾ Красный Архив Т. 1-й (20) 1927 „Бухара в 1917 г.“ Дипломатическая переписка — стр. 86.

революции. Уже 8-го марта мы видим „сосланного“ реакционера — бывшего кази-каляна (главный судья) ведущего в гор. Бухаре энергичную контр-революционную агитацию, а Низаметдина Ходжа диван-беги (бухарского Победоносцева) — организующим такую же работу в Карши. Когда джадиды назначили на 18-е апреля массовые демонстрации в Керки и Чарджуе реакция немедленно отвечает контр-ударом. 16-го апреля в Бухару прибывают „представители туркменских масс“ — Мирза Нуреддин караулбеги (чин вроде поручика) и Иноят-Ходжа Бака Ходжаев с предупреждением, что, в случае если демонстрации состоятся, — туркмены „восстанут“ в защиту ислама. Для характеристики положения в Бухаре приведем еще два донесения российских резидентов:

„Сегодня (11 апреля) тревога, основанная на ложном слухе о начавшейся резне русских, объясняется появлением у разных городских ворот вооруженных сельчан... Из опроса задержанных и затем отпущенных по домам сельчан выяснилось, что началась агитация войны против неверных, то есть газавата для защиты ислама“. А 9-го июня (через 10 дней после цитированного выше „сложения налогов, в виду засухи“) сообщается: „Достаточно верно осведомился о выплате теперешним кушбегием (министр финансов и казначей двора эмира) казенных сумм духовенству на поддержание и развитие реакционного движения. Это — истина. Муллы начинают дерзко вмешиваться во все отрасли управления“.

В ответ на развивающееся революционное движение, эмир и господствующие классы организуют жесточайшую реакцию. Легальная младобухарская партия подвергается разгрому и загоняется в подполье.

Октябрьская революция подводит черту под последними колебаниями эмира. С Советской властью не могло быть длительного компромисса. Бухара превращается в оплот Туркестанской контрреволюции. Английские интервенты, белые правительства Закаспия и даже Сибири (Колчаковское) пытаются вовлечь Бухару в качестве своего союзника в борьбу с Советской Россией. У власти становится группа Низаметдина Ургенджи, в руках которого эмир являлся простой марионеткой.

Захвативший в свои руки власть пролетариат Туркестана, являвшегося тогда отсталым национальным районом испытывал величайшие затруднения. С Юга и Севера охваченный фронтами, он должен был подавлять вспыхнувшее в Фергане басмаческое движение. Борьба на три фронта усложнялась тяжелым продовольственным кризисом в городах и голодом в киргизских и казакских районах. В этой обстановке в начале марта 1918 г. была сделана неудачная попытка совершить революционный переворот в Бухаре. Этот поход, известный по имени своего руководителя—председателя Турксовнаркома Колесова, не был, как утверждает тов. Сафаров, „авантюрой“. Попытка во главе небольшого красногвардейского отряда и партийных дружин младобухарцев совершить государственный переворот не удалась. Под лозунгами защиты священной Бухары и свержения русских—эмир сумел поднять против Колесова широкие массы. В боях за эмират участвовали даже Восточно-Бухарские ополчения.

Поход Колесова окончился Кизыл-Тепинским миром, который по существу обозначал поражение революции.¹⁴⁾

Правящим классом Бухары удалось на голову разгромить младобухарское движение. Свыше полутора тысяч их было вырезано нафанатизированной толпой.

У. Политические партии накануне революции.

Неудачный поход Колесова имел своим следствием почти совершенное уничтожение, по крайней мере, на Бухарской территории партии младобухарцев. Уцелевшая от разгрома основная группа младобухарцев—активистов в количестве 150-200 чел. эмигрировала в Советский Туркестан, создав там два политических центра: в Самарканде и Ташкенте“

В течение всего 1918 года в партии младобухарцев продолжается процесс идеологического и организационного разброда, внутрифракционной борьбы и отходов от партии. Здесь в эмиграции начинают выкристаллизовываться окончательно

¹⁴⁾ Текст Бизил-Тепинского соглашения приведен в указанной выше книге т. Ремез.

политические взгляды младобухарцев, с одной стороны, и той группы их, которая через ряд промежуточных ступеней постепенно превращается в группу младобухарцев-коммунистов.

Часть той, сравнительно небольшой группы младобухарцев, которая 8 мая 1918 года, переизбрав состав исполнительного комитета, вошла в партию левых социалистов-революционеров, 23 декабря того же года переходит в партию большевиков. К заявлению ЦККП(б)Т об этом приложена коротенькая программа (состоящая всего из 15 пунктов и 6-ти примечаний, играющих роль устава), ярко отражающая всю эволюцию взглядов младобухарцев в сторону приближения (этой группы) к программе революционной диктатуры пролетариата и крестьянства. Здесь есть и принцип вхождения „народной республики“ Бухары в состав территории Туркестана и конфискация земель крупных собственников и роспуск армии, с заменой ее Красной Армией из рабочих и трудящихся.

Надо отметить, что партия младобухарцев-коммунистов большевиков имела гораздо большее распространение, чем это можно думать судя по литературным материалам. Уже в середине 1919 г. существует не только „Центральный младобухарский комитет партии коммунистов большевиков“ (в Ташкенте), но и „отделение партии“ в Самарканде, городское бюро в Новой Бухаре, отдельная группа в Полторацке, организация в Катта-Кургане и одиночки в Мерве и других городах Туркестана. Организация проявляла довольно оживленную деятельность и созвала до декабря 1919 г. три конференции (или съезда).

Бухарские коммунисты вели жестокую политическую борьбу против младобухарцев. Конечно, разногласия между обеими партиями шли гораздо дальше расхождений в области тактики, как это задним числом объясняют некоторые товарищи. При невысоком уровне тогдашней теоретической мысли в эмигрантских кругах эти разногласия формулировались весьма аляповато. Но подоплекой их было не столько недоверие к отдельным лицам из младобухарского руководства, сколько опасения слишком расплывчатой, а подчас и соглашательской их тактики и неудовлетворенность программой младобухарцев,

оставшейся по существу программой буржуазных демократов.

В тоже время в программе и, особенно, в тактике самих бухарских коммунистов было не мало пережитков эссеровщины (индивидуальный террор, лозунги всеобщего равенства и справедливости и т. д.). И в отношении организационных принципов партия не стояла на пролетарских позициях. Мы не говорим уже о том, что фактическое руководство печатным органом партии „Кутулюш“ было передано в руки бывших правых джадидов (Айни, Абдул Вахит Бурханов и др.)

Младобухарская организация имела, само собой разумеется, более широкие корни в среде эмиграции и, что особенно важно, довольно крепкие связи с бухарским подпольем. Фактическое оживление ее деятельности последовало только после разгрома контр-революционного окружения Туркестана, соединения его с центром и приезда из Москвы комиссии по делам Туркестана (Турккомиссии). В феврале 1920 года организуется Туркестанское Центральное Бюро Революционной младобухарской партии. 13-14 июня „1-м общим соединенным заседанием Туркестанского Центрального Бюро“ принимается „линия действий в Бухаре“, т. е. собственно программа партии. Несколько позднее появляется печатный текст ее.

По форме, расположению разделов и содержанию некоторых, второстепенных вопросов (народное образование, социальное обеспечение) программа, действительно, напоминает программу ВКП(б). По сути же дела она осталась программой мелкобуржуазных революционеров, даже в сравнении с наивной программой бухарских коммунистов (1918 года), являясь менее радикальной и более далекой идеям пролетарской революции.

Тов. Файзулла Ходжаев, конечно, глубоко ошибается, говоря, что „в основном, в главном обе группы были совершенно солидарны: обе считали необходимым вести борьбу с эмиратом до его полной ликвидации, и обе сходились на необходимости установления в Бухаре советской реформы государственного строя“.

Это совершенно неверно уже потому, что советской Бухара стала не сразу, а лишь в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалисти-

ческую. Точка зрения младобухарцев (см. „Воззвание к бухарскому войску“) о том, что советы есть просто „еще более народная форма правления“, чем народное представительство, которое „другие мусульманские народы“ установили у себя—, разумеется, характеризует лишь их непонимание советской формы государства.

Разногласия, таким образом, шли не только о словах „религия и шариат были противниками эксплуатации бедного люда“ (как это было написано в программе) и вовсе не это мешало младобухарской партии объединиться с бухарскими коммунистами.¹⁵⁾

Младобухарцы в „предисловии“ к указанной выше программе партии критикуют существующий строй с двух точек зрения: во-первых, с точки зрения неумения эмирата установить нормальный правовой порядок и, во-вторых, с точки зрения неумения эмирата защитить Бухару от русского завоевания. Их лозунг „Да здравствует свободное и самостоятельное Бухарское государство“ в этом контексте звучит некоторым диссонансом со следующим за ним— „Да здравствует союз и единение угнетенного восточного мира с западным пролетариатом“.

В программе нет ни одного места, направленного против туземного капитализма, но зато есть оговорка, что—за отсутствием в бухарских владениях таких богачей, как в Европе „партия будет всеми своими силами бороться против европейского капитализма“.

В главе „о земле и воде“ есть пункт о конфискации земельной собственности, но лишь собственности „эмира, беков и других кровопийц, которая была насильно отнята от других“. В этой главе поставлен вопрос о государственном процентном кредите, землеустройстве, новом орошении и водном кодексе, содержатся также неясные намеки на необходимость урегулировать вопрос об амляковых и вакуфных землях, но нет ни слова о ликвидации привилегии мюлькдаров.

В разделе „торговля и промышленность“ во главу угла поставлено экономически реакционное положение: „Для того,

¹⁵⁾ Упоминания о шариате имеются и в программе бухарских коммунистов (1918 года).

чтобы не попал народ под влияние торговли и промышленности европейских фабрикантов и заводчиков, партия оказывает всевозможное содействие ручному кустарному производству“.

Так, больной вопрос о разорении кустарей и ремесленников под влиянием конкуренции с более совершенным капиталистическим производством предполагается лечить методами Ганди.

Мы не будем подробно разбирать утопичность содержащейся в программе младобухарцев идеи о превращении остатков цеховой ремесленной организации в „чисто пролетарскую“ путем исключения старых аксакалов и скупщиков, буржуазность мысли о независимом суде, а отметим лишь один интересный штрих из раздела о народном образовании. В нем, вслед за обещанием ввести преподавание в начальных училищах „на языке и наречии той нации, которая будет преобладать численностью в данном районе“, шел пункт 10-й. гласивший: „преподавание в высших учебных заведениях долж, но вестись на всеобщем литературном тюркском языке“.

Итак, не выдерживает никакой критики утверждение, что программа младобухарцев есть замаскированная программа минимум коммунистов-большевиков, что ее необходимо было придерживаться лишь до момента совершения революции, автоматически заменив потом программой коммунистов. В основе своей, повторяем, программа младобухарцев есть программа буржуазно-демократической партии. Тот, кто не сменил ее на новую программу коммунистической партии, должен был неизбежно уйти от революции к эмиру и басмачам, как это сделали в 1921 году Усман Ходжаев и многие другие.

Борьба между двумя партиями среди бухарской эмиграции нарастала по мере обострения революционной борьбы. И в этой борьбе младобухарцам пришлось уступить. Второго августа на конференции бухарских коммунистов и младобухарцев было оглашено заявление последних о готовности на следующий же день после переворота официально принять „коммунистическое название и программу“. Соглашение состоялось, таким образом, после того, как младобухарцам было

предложено подать соответствующую декларацию в письменном виде¹⁶⁾.

Несмотря на официальное слияние обеих партий, новый ЦК, образованный в огне революции, 18 августа 1920 года на 4-й Чарджуйской конференции коммунистов, в основном состоял из бывших бухарских коммунистов (Акчурина, Алиева, Арифова, Хусаинова, Тагиева и т. д.). Руководители младобухарской партии в состав руководящего органа новой объединенной организации не вошли. Это еще более подчеркивает то обстоятельство, что в борьбе двух политических групп младобухарцы потерпели поражение.

VI. Революция побеждает.

Между тем, к середине 1920 года экономический кризис в Бухаре достиг своего предела. Революционный взрыв назревал. Мы имеем данные о массовых недовольствах существующим строем и прямых восстаниях против правительства.

Непосредственным поводом к бунтам были обычно, введение новых налогов или очередные мобилизации. Так, в мае-июне в Шахризиябсе. Нур-Ата „в связи с мобилизацией и усиленным сбором податей происходили волнения, а в Нур-Ата имели место отказы в сдаче солдат¹⁷⁾: при объявлении в Шахризиябском бекстве 24 июня 1920 г. мобилизации жители воспротивились ее проведению, мотивируя свой отказ тем, что, „если бы вспыхнула война,—они все пошли бы добровольно“. Показателем кризиса государственной власти является массовое дезертирство из эмирских войск и непрекращающаяся серия заговоров против эмирата в Старой Бухаре и других городах. Подпольные организации, по мере роста

16) Заявление это гласило: „Центральное Бюро Революционной Младобухарской партии, согласно постановления объединенного совещания, сообщает, что указанное в протоколе заседания Турккомиссии от 3 августа за № 6166 заявление представителя партии об отношениях младобух. парт. и к коммунистической партии и о временной линии тактических действий подтверждается. Относительно тесного блока с бухарскими коммунистами совещание постановило: немедленно исполнить. Также подтверждается, что на 2-й день революции в Бухаре, младобухарская партия в полном своем составе объявляет себя коммунистической организацией и с сегодняшнего дня никакой политической борьбы с бухарскими коммунистами вести не будет. (Инфор. сводки Турккомиссии 1920 г. Архив Ср. Аз. Бюро ЦК ВКП).

17) Военная секция Цуардел. Оперативные сводки Самаркандско-Бухарской группы войск—донесение командира 7 погр. полка.

революционных настроений, усиливались. На окраинах Бухары начались волнения надменьшинств. Кровавый террор и величайшее напряжение контрреволюционной пропаганды духовенства—мало помогали эмиру.

Маскируясь притворным миролюбием, эмир деятельно готовится к борьбе на два фронта: против внутренней революции и против Советской России. С этой точки зрения характерен указ эмира („фетва“) от 7/VI-1920 года данным войскам в Ситари-Махааса: „Мы, мусульмане, должны выступить против тех, кто стремится задушить и уничтожить нашу веру, изменить нашу жизнь и нарушить шариат. Мы, мусульмане, должны и обязаны жертвовать всем для защиты религии, веры, семьи, как она есть.

Мы, мусульмане, не должны увлекаться никакими материальными благами, мы должны откинуть от себя все помыслы о расширении своей территории и завоевании чужих городов.

Мы, мусульмане, должны и обязаны до последней капли крови защищать и оберегать нашу религиозно-национальную жизнь, спасая шариат и исполняя его.

Мусульмане, солдаты, должны быть наготове, на страже интересов страны и религии. Ваши лошади не должны быть расседаны, ваши винтовки должны быть наготове.

Вы, мусульмане, готовьтесь к бою, как следует“.

В то же время эмир в своем письме (в середине августа) ставит ультиматум советскому полпреду с требованиями: 1) недопущение пребывания джаидов в русских поселениях; 2) отозвание из Кагана войск с тем, чтобы количество оставленных в нем войск не превышало 200 человек; 3) очищение таможен, завода и дворца в Кагане, (занятых в это время советскими войсками); 4) передача Бухарским войскам охраны железной дороги. Взамен этого ультиматум содержит в себе туманные обещания о снабжении русских поселений продуктами. Одновременно с этим эмир домогается возвращения Бухаре Самаркандской области. В столице эмира идет спешная закупка оружия и производится перегруппировка войск. Проводится мобилизация, вооружаются туркмены, муллы и муллабачи (студенты медресе).

Вместе с тем, напуганный хивинской революцией, революционным движением в Персии и Турции, советским переворотом в Азербейджане и взятием Баку советскими войсками, а также под влиянием нарастающего в самой Бухаре революционного взрыва, эмирищет у Англии поддержки для борьбы с Советами, снаряжает делегацию в Афганистан во главе с мударисом Мулла Кубугдином и почти открыто ведет переговоры с ферганскими басмачами и русскими белогвардейцами.

Под влиянием известий об успехах советских войск на польском фронте и о разгроме Деникина, а также под влиянием жестокого экономического кризиса, эмир и часть буржуазии, заинтересованной в торговой связи с Россией, хотели путем экономических уступок найти какой-либо компромисс с советской Россией и тем спасти себя от революции. Однако, это оказалось уже невозможным и назревшие события развивались ускоренным темпом.

В конце августа во время заседания 4-й конференции бухарских коммунистов в Чарджуе в окрестных кишлаках. (Сакар-Базар и др.) вспыхнуло восстание.

Из захваченного Чарджуа восставшие обращаются за помощью к Советской России.

Рабочий класс Советской России немедленно пришел на помощь революционной Бухаре. В ответ на призыв Бухарского ревкома, — против эмира была брошена Красная Армия под руководством т. Фрунзе. Части Красной Армии плечом к плечу с отрядами бухарских революционеров в течении 5 дней ведут кровопролитнейший штурм столицы эмира — Старой Бухары и, наконец, занимают ее 2 сентября.

Почти одновременно с этим в конце августа и начале сентября 1920 г. падают под ударами других отрядов Китаб, Шахризбс, Хатырчи, Кермине.

Революция победила. Она победила под лозунгами аграрной реформы, облегчения налогов, уничтожения феодальной системы управления. Задачи, стоявшие перед победителями, были задачами революции буржуазно-демократической, крестьянской

Однако, по многим причинам широкие массы дехканства не приняли активного участия в самом перевороте. За исключением Чарджуйского восстания, дехканство в лучшем случае

отнеслось к нему одобрительно (Китаб, Шахризиябс), а в худшем, как это было в Старой Бухаре и Каршах, даже дралось против революции на стороне феодалов.

Причинами этого являлись — отсутствие в Бухаре пролетариата, могущего вести за собой крестьянство, отсутствие массовой политической партии, а также величайшая сила пережитков феодализма в кишлаке, и необычайная темнота населения.

Однако, несмотря на то, что значительная часть трудящегося дехканства в массе не осознала полностью своих классовых интересов и заняла нейтральную позицию, обстановка 1920 г. резко отличалась от времен Колесовского похода. Вместо почти поголовного восстания в защиту „священной“ — Бухары в 1918 г., русская красная Армия в 1920 году пользовалась в большинстве случаев не только простым или дружественным нейтралитетом дехканства, но бухарское население по час оказывало ей весьма активную помощь в борьбе против эмира, главы этой „священной“ Бухары — „тени бога на земле“ и против его сподвижников, феодалов и духовенства.

Мы не имеем нужды замалчивать (как это сделал т. Соловейчик в своей книге о басмачестве в Бухаре) активной роли Красной Армии в борьбе с эмиром. Мощная поддержка извне для победы над эмиратом в условиях революции в Бухаре была неизбежной. И необходимость ее вытекала не только из интернациональных обязательств победившего рабочего класса в отношении к угнетенным выступившим на борьбу со своими эксплуататорами, но из требования обеспечения мирного строительства в Туркестане и ликвидации контр-революционного гноя внутри Советской страны. Международная обстановка также не позволяла Советской России относиться выжидательно и безучастно к назревшим и разразившимся революционными событиями в Бухаре.

На Юге России стоял Врангель, на Западе — бело-поляки. В Индии подымалась первая волна революционного движения.

Вот почему под стенами Старой Бухары решался вопрос не только местного значения. Победа революции в Бухаре была необходимым и важным этапом в великой борьбе пролетариата и угнетенных всего мира против капитализма.